

УДК 159.9

Karpinski K.V. HISTORICAL DETERMINATION OF CRISES IN THE PERSONALITY DEVELOPMENT Article reveals historical nature, genesis and determination of psychological crises in the development of personality. It is argued that crisis determined not only by individual history of personality but also by societal history.

Keywords: personality, individual development, psychological crisis, historiogenesis, historical determination.

Карпинский К.В., к.психол.н., доцент, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь, E-mail: karpkostia@tut.by

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

В статье обсуждаются историческая природа, механизмы историогенеза и закономерностям исторической детерминации кризисов личностного развития человека. Обосновывается положение о том, психологические кризисы выражают не только логику жизненного пути как индивидуальной истории личности, но и являются субъективно превращенной и индивидуализированной формой проявления исторических и социокультурных противоречий.

Ключевые слова: личность, индивидуальное развитие, психологический кризис, историогенез, историческая детерминация.

Историзм – фундаментальная закономерность психического развития человека, выражающаяся в сложной зависимости его содержания, форм, темпов, способов и возрастной структуры от исторического и социокультурного контекста. Принцип историзма служит прямым следствием из методологического положения о том, что всеобщей формой развития человеческой психики выступает усвоение, воспроизводство и творение общественно-исторического опыта культуры, которое опосредовано познавательной и практической деятельностью человека, осуществляемой в составе разных социальных общностей. Человек застает готовыми определенные исторические условия, которыми в известном смысле предуготованы возможности и пределы его психического развития. Те задачи, которые социально-историческая ситуация ставит, а человек разрешает на каждом возрастном этапе, определяют направленность, структуру и динамику его психического развития. Историческая обусловленность проявляется еще и в том, что все новообразования, приобретения и достижения психического развития пропитаны «духом времени»: кристаллизуют в своем содержании и структуре результаты исторического развития общества и культуры, в субъективно преобразованном и индивидуализированном виде воплощают исторический уровень развития человеческих способностей. «Влияние конкретно-исторических условий сказывается как на конкретном содержании той или другой отдельной стадии развития, так и на протекании процесса психического развития в целом», – подчеркивал А.Н. Леонтьев [1, с. 504].

Психологические кризисы – неотъемлемая часть процесса онтогенетического развития психики человека. Как явления психического развития кризисы тоже историчны в том смысле, что их источники, узловые противоречия, формы переживания, способы преодоления детерминируются конкретно-историческими условиями индивидуальной жизнедеятельности. Многократно подмечено, например, что во времена исторических кризисов общественного развития учащаются и интенсифицируются психологические кризисы в индивидуальном развитии, что свидетельствует об их тесной

зависимости от общественно-исторической обстановки. Данная зависимость имеет характер не только формальной констелляции, но также затрагивает и содержательную сторону кризисов индивидуального развития. Исторические условия служат не просто фоном, который придает их течению определенную динамику и феноменологию, смягчает или обостряет их переживание, способствует или препятствует их разрешению, но, что гораздо важнее, определяют психологическое содержание кризисов и диктуют их необходимость или даже неизбежность для развития личности.

Для современной психологии кризисов принцип историзма далеко не новация, и в то же время его применение в данной научной области еще не приняло систематического характера. Написание связной истории кризисов психического развития, раскрывающей их общественно-исторические истоки и трансформации, остается задачей будущего. Самую полную и всестороннюю реализацию этот принцип получил при анализе психологических кризисов детского развития, поскольку это самый пластичный и сензитивный этап онтогенеза, который наиболее подвержен историческим изменениям. Вместе с тем, то, что уже стало каноном для изучения психологических кризисов детского развития, имеет все основания быть распространенным на исследования кризисов молодого, зрелого и старческого возраста, ибо исторически обусловлено не только детство, но и все последующие за ним стадии психического развития человека.

Взгляд, согласно которому история просто накладывает отпечаток на психологические кризисы, имманентно присущие индивидуальному развитию и выражающие его внутреннюю логику, значительно упрощает суть проблемы. Ввиду того, что индивидуальное развитие не отделено от развития общества и представляет собой единственный, особенный способ его реализации, психологические кризисы подчиняются логике исторического процесса и сигнализируют о его трудностях и противоречиях. В ходе онтогенетического развития человеку приходится постоянно соотносить себя с множеством исторически сложившихся структур, форм и условий общественной жизни, с одной стороны, осваивая их и приспособляясь к ним, а с другой, самоопределяясь по отношению к ним и вырабатывая свою личную траекторию развития. В результате такого соотношения выявляются различные противоречия между социально-историческими реалиями и индивидуально-личностными особенностями, которые, в конечном счете, выливаются в кризисы психического развития. Причем эти кризисы не менее историчны по своему происхождению, чем социальные институты, механизмы и нормы, управляющие ходом психического развития людей конкретной эпохи. На самом деле история «вплетена» в развитие индивидуальной психики, а не «наслаивается» как бы сверху на этот процесс.

В этой связи многие кризисы индивидуального развития в буквальном смысле выступают «продуктами» исторического развития общества и культуры. Так, активно обсуждаемые в научно-психологической литературе кризисы подросткового возраста и середины жизни представляют собой след, оставленный историческими изменениями общественного образа жизни на укладе индивидуальной жизни и возрастной сетке психического развития человека. Подростковый кризис, по мнению ряда исследователей, возник в результате удлинения и расщепления периода детства, продиктованного социально-историческим совершенствованием орудий и технологий производственного труда, обогащением материальной и нематериальной культуры, усложнением форм общественных отношений. В частности, как писал А.Н. Леонтьев, «продолжительность и содержание того периода развития, который является как бы подготовлением человека к его участию в общественно-трудовой жизни, – периода воспитания и обучения исторически далеко не всегда были одинаковыми. Продолжительность эта менялась от эпохи к эпохе, удлиняясь по мере того, как возрастали требования общества, предъявляемые к этому периоду» [1, с. 504]. Именно возрастание этих требований и привело на

определенном историческом этапе к образованию кризисной диспропорции между физической, социальной и психологической готовностью подростков к вхождению во взрослую жизнь. Другой пример – кризис середины жизни, который своим появлением во многом обязан тенденции увеличения длительности человеческой жизни. Эта тенденция относится к разряду не биологических, а исторических закономерностей, и обусловлена прогрессивным улучшением гарантированного в обществе качества жизни. Получив в свое распоряжение большой резерв времени, современный человек оказался способным вложить в одну биологическую жизнь несколько психологически разных жизней – различных по жизненным ценностям, целям, стратегиям, профессиональной и личностной идентичности и т.д. По мысли польского психолога П. Олеша, именно этой исторически открывшейся возможностью предопределен психологический смысл кризиса среднего возраста как метаморфозы личности, сумевшей реализовать содержательно законченную судьбу в первой половине и столкнувшейся с необходимостью планирования второй половины жизни [2].

В конечном счете, все это означает, что психологические кризисы онтогенетического развития человека имеют историческую сущность, выступают как социально-исторические феномены. Каждое историческое время порождает в психическом развитии людей специфические кризисы, и под таким углом их следует рассматривать как своеобразные «отметины» и «приметы» исторического времени. В отношении психологических кризисов справедливо положение В.Т. Кудрявцева о том, что не только психическое развитие должно анализироваться через призму исторических условий, но и собственные закономерности истории могут быть реконструированы с учетом психических феноменов развития [3]. Кризисы психического развития и есть те самые феномены, в которых нащупывается «пульс истории» и просвечивает социокультурный контекст.

Пути влияния исторических условий на кризисы психического развития весьма многообразны, что подразумевает необходимость их междисциплинарного анализа. Историческая детерминация психологических кризисов в развитии индивида имеет системный характер, т.к. сами исторические условия представляют собой систему детерминант разного уровня и типа. В генезисе и течении кризиса они могут играть роль дальних и близких причин, внешних и внутренних факторов, общих и специальных предпосылок, опосредствующих звеньев. Одни условия воздействуют на развитие непосредственно, порождая кризисные явления по механизму причинно-следственных связей, что отчетливо наблюдается в переломные, революционные, трагические моменты истории. Другие исторические условия хотя и не вызывают кризисов в порядке каузальной зависимости, но влияют на них, притупляя или обостряя кризисные противоречия, ускоряя или замедляя их разрешение, трансформируя их в определенном направлении. Некоторые исторические условия в результате их интериоризации вообще переходят в форму инобытия, как бы откладываясь и накапливаясь в устойчивых структурах и свойствах личности, и, следовательно, обуславливают процессы возникновения, протекания и разрешения психологических кризисов уже в качестве их внутренних условий и детерминант. Эти внутренние условия – психологические свойства личности – возникают под влиянием образа жизни, который люди ведут на определенном отрезке исторического времени, и поэтому являются исторически специфичными. В этой связи детерминация любого психологического кризиса исторична в части как внешних, так и внутренних условий развития.

С собственно психологической точки зрения можно выделить несколько магистральных линий исторической детерминации психологических кризисов развития. В первую очередь, следует учитывать, что кризисные события и ситуации, подстерегающие человека в процессе его становления, вызревают не только в недрах его личной

жизни. Индивидуальный кризис может быть инициирован событиями общественной жизни, которые в большей или меньшей степени задевают всех современников исторической эпохи. Исторические изменения становятся кризисными событиями жизненного пути личности тогда, когда порождают противоречия, создают трудности, чинят препятствия в реализации смысла, ценностей, целей ее жизни – в общем, приобретают значимость при решении задач индивидуального развития. В данном случае имеет место живое столкновение развивающегося человека с исторической действительностью, которая не просто обрамляет процесс развития в качестве фона или декорации, но участвует в нем как действенный фактор, реальная детерминанта. Здесь, по выражению Б.Г. Ананьева, «сама история – основной партнер в жизненной драме человека, а общественные события становятся событиями его биографии» [4, с. 104-105]. В психологических исследованиях жизненного пути и всевозрастного психического развития категория событий, связанных с эпохальными сдвигами, обозначается терминами «события среды», «макросоциальные события», «события контекста», либо «исторические события». Из-за того, что в их «эпицентр» втягиваются огромные массы людей, спровоцированные ими психологические кризисы отличаются массовым, эпидемическим размахом.

Путь превращения макросоциальных условий и событий в биографические обстоятельства и инциденты – один из наиболее очевидных и прямолинейных в исторической детерминации кризисов психического развития человека. Между тем, история не всегда действует на психическое развитие человека фронтально, врываясь в его жизнь и завладевая его сознанием. По большей части исторические факторы оказывают все-таки косвенное влияние, не всегда даже осознаваясь человеком как таковые, не говоря уже про развернутую рефлексию их роли в личной жизни и индивидуальном развитии. Психологические кризисы обнаруживают зависимость от общественно-исторических условий в силу того, что изменения данных условий всегда ведут к существенной перестройке системы отношений, в которую включен человек, а также к значительной рокировке предъявляемых к его развитию требований и предоставляемых для его развития возможностей. Для объяснения этого пути воздействия адекватным концептуальным средством оказывается психологическое понятие «социальная ситуация развития». В современных исследованиях социальная ситуация развития трактуется как особое сочетание внешних и внутренних условий психического развития, которое является типичным для некоторого возрастного периода и обуславливает динамику и качественные особенности психического развития на всем его протяжении [5].

Иногда понятие социальной ситуации развития неоправданно «сжимается» до микросреды, с которой развивающийся человек взаимодействует напрямую, и ближайшего социального окружения, с которым он контактирует вживую. В действительности, социальная ситуация развития – многоуровневая «конструкция», в которой наряду с микроусловиями, непосредственно обступающими человека, в «снятом виде» представлены и макрофакторы, действующие опосредованно и как бы издалека. Чтобы разобраться в источниках, движущих силах и основных тенденциях психического развития человека, живущего в конкретную историческую эпоху, принадлежащего к определенному обществу и вживленного в контекст определенной культуры, необходим поуровневый анализ социальной ситуации. В рамках такого подхода вполне оправдано вычленение макросоциальной ситуации – того уровня, на котором лучше всего улавливается историческая детерминация феноменов развития, включая и психологические кризисы. Макроуровень в организации социальной ситуации развития охватывает совокупность экономических, политических и духовных условий, действующих в масштабе целого общества и задающих всеобщие задачи, противоречия, возможности и ограничения психического развития членов данного общества. Анализ данного уровня

выполнен, например, в исследовании Д.И. Фельдштейна, посвященном социальной ситуации взросления современного российского подростничества и юношества. Вдобавок к детерминантам микросредового характера автор дифференцирует факторы глобального и макросоциального плана. «Рассмотрение той общей ситуации, которая обеспечивает соответствующие условия для развития детства, показывает, что здесь действуют разные по своему значению и характеру факторы. Во-первых, всеобщего плана, определяемые историческим уровнем и особенностями развития современного общества. ... Во-вторых, факторы внутреннего порядка, свойственные именно нашей стране, где особое значение приобретают сейчас коренные экономические, политические, социальные изменения» [6, с. 406]. В структуру социальной ситуации, таким образом, входят разноуровневые условия, прямо или косвенно влияющие на ход индивидуального психического развития: от цивилизационных факторов, определяющих задачи, возможности и ограничения развития каждого представителя глобального человеческого сообщества, до микросоциальных обстоятельств, единственных и неповторимых в возрастной эволюции конкретного индивида.

Понятие социальной ситуации подразумевает такой подход к детерминации психического развития, согласно которому «его высшие и конечные формы вовсе не даны изначально, а только заданы, т.е. существуют объективно в идеальной форме как общественные их образцы ... Процесс психического развития происходит как бы сверху, путем взаимодействия идеальной формы и развивающегося процесса» [7, с. 29]. В структуру социальной ситуации входят такие важнейшие условия, как *источники развития*, оформленные в виде «идеальных форм» – культурных образцов развития, общественных норм поведения, социально одобренных способов деятельности и общения т.д.; релевантные возрасту внешние и внутренние *ресурсы развития*; *средства и способы развития* в форме доступных по возрасту видов познавательной и практической деятельности; *нормативы развития*, закрепленные системой прав и обязанностей, требованиями к поведению и деятельности, определенными социальными ожиданиями и санкциями. При этом, как подчеркивает Л.И. Божович, «вся совокупность только что названных факторов не случайна: она вырабатывается на протяжении длительной истории общества, с учетом возрастных особенностей» [8, с. 189].

Историческая детерминация кризисов реализуется через посредство социальной ситуации развития, в которой заложены движущие противоречия психического развития, прежде всего, в виде несоответствий между его задачами и возможностями их решения. Пожалуй, самая суть социальной ситуации заключается в том, что она объективно предъявляет развивающемуся человеку вполне четкие требования, ставит перед ним определенные задачи развития. По этому поводу Л.Ф. Обухова отмечает: «В каждом возрасте социальная ситуация развития содержит противоречие (генетическую задачу), которое должно быть решено в особом, специфическом для данного возраста, ведущем типе деятельности» [9, с. 9]. Это побуждает соответствовать предъявляемым требованиям, обязывает справиться с поставленными задачами, так как только в этом случае возможно динамичное, восходящее и относительно бескризисное психическое развитие. Но социальная ситуация не всегда обеспечивает человека достаточными возможностями и ресурсами для решения этих задач, не всегда благоприятствует продуктивному выполнению тех видов деятельности, с которыми связана судьба психического развития в данном возрасте. При наличии подобных противоречий развивающийся человек не чувствует себя на уровне положения, занимаемого в системе социальных отношений, не испытывает эмоционального благополучия и зачастую впадает в кризисное состояние. Мера несовпадения задач развития и предлагаемых для этого возможностей исторически изменчива, а, следовательно, исторически варьирует степень противоречивости, кризисности самой социальной ситуации развития. В любой исторически

сложившейся социальной ситуации развития неотъемлемо присутствуют противоречия, без которых психическое развитие в принципе немислимо. Однако выделяются и такие отрезки истории, когда эти противоречия аккумулируются и достигают критической массы или, наоборот, уравниваются и компенсируются, что делает процесс развития почти бескризисным. Показательным в этом отношении является сравнение социальных ситуаций развития подростков в разных исторических условиях – в условиях мирного и военного времени. Парадоксально, но, судя по материалам исследований известного польского психолога С. Шумана, социальная ситуация развития подростков 1939-1940 гг. оказалась менее кризисогенной, несмотря на всю драматичность исторического момента, чем ситуация их ровесников в послевоенные годы [10]. Это объясняется тем, что в условиях войны подрастающее поколение было мобилизовано в качестве тыловых и армейских ресурсов, и это по-своему содействовало удовлетворению притязаний на взрослость, сглаживанию ведущих возрастных противоречий.

Начиная с основополагающих работ Л.С. Выготского, «единицей» психологического анализа социальной ситуации развития (в отличие от анализа, например, социологического), считается «переживание». В продолжение данной теоретической линии Л. И. Божович указывала, что в переживании социальные условия развития отражены в их действительном отношении к решению задач индивидуального развития. Применительно к психическому развитию в детском возрасте она подчеркивала следующее: «Если мы хотим понять, как именно воздействует среда на ребенка и какое влияние она оказывает на его психическое развитие, нам надо проанализировать, в каком отношении эта среда находится к потребностям ребенка, в каком мере она способна их удовлетворить или, напротив, лишить удовлетворения» [11, с. 176]. В рамках изучения исторической детерминации кризисов понятие переживания представляется важным потому, что психологические кризисы – это частная разновидность переживаний, возникающих на основе глубоких, трудноразрешимых противоречий социальной ситуации развития. За кризисными переживаниями обычно спрятана неудовлетворенная потребность, нереализованная ценность, неисполненный мотив, недостижимая цель, нерешенная задача, неудавшийся план и т.д. – в общем, субъективно значимая, но не получающая должного воплощения жизненная необходимость (интенция) человека. Такое понимание кризисов актуализирует давнюю научную задачу, намеченную А.Н. Леонтьевым и А.Р. Лурия и состоящую в том, чтобы «рассмотреть сложные человеческие переживания как продукт исторического развития» [12, с. 538].

Историческую детерминацию психологических кризисов нельзя списать только на действие материальных условий социальной среды и обстановки, не обращаясь к исторически кристаллизовавшимся идеальным формам культуры. Идеальные формы есть образцы развития человеческих свойств и способностей, как правило, социально одобряемые и санкционированные обществом, которые в снятом и переработанном виде отражают исторически достигнутый уровень развития общества и культуры. Идеальным формам культуры свойственна историческая изменчивость: «На протяжении всей человеческой истории исходный пункт детского развития не оставался неизменным. Ребенок вступает во взаимодействие с некоторой идеальной формой, т.е. с достигнутым обществом уровнем развития культуры, в котором он родился. Эта идеальная форма все время развивается и развивается скачкообразно, т.е. меняется качественно», - подчеркивал Д.Б. Эльконин [7, с. 32]. Именно идеальные формы, существующие и передающиеся в культуре, придают направленность психическому развитию в каждом конкретном возрасте и воплощаются во вполне определенные возрастные задачи развития. В контексте индивидуального психического развития они играют роль формообразующих структур, присвоение которых «переформатирует» процесс становления человеческого сознания и личности. В ходе развития психические процессы, свойства, спо-

собности как бы подтягиваются к тому качественному состоянию и количественному уровню, который задан идеальными формами, что и делает полноценно развитого человека персонифицированным носителем культурно-исторического опыта.

В каком-то смысле идеальные формы являются общественно-историческими обобщениями тех свойств и способностей, которые человек определенного возраста должен в себе сформировать; тех статусов и позиций в жизни, которые он должен занять; тех видов деятельности, которым он должен научиться. И уже на уровне единичного сознания эти обобщенные образцы возрастного развития индивидуализируются и конкретизируются с учетом индивидуальных свойств человека и обстоятельств личной жизнедеятельности. Можно сказать, что по мере усвоения идеальные формы культуры формулируются человеком в виде возрастных задач индивидуального развития. Причем задач осознанных и субъективно значимых, т.е. приобретших личностный смысл целей, мотивов и ценностей для человека.

Развернутый анализ закономерностей воплощения идеальных форм культуры в личные задачи развития не входит в замысел настоящего исследования. Здесь стоит заострить внимание лишь на избранных аспектах этой важной проблемы. Во-первых, в теоретическом и экспериментальном плане развивающий потенциал идеальных форм культуры хорошо раскрыт в отношении познавательных процессов, когнитивных структур, интеллектуальных способностей, и гораздо скромнее – применительно к смысловым по своей природе структурам, процессам и механизмам личностной сферы.

Во-вторых, по мысли Л.С. Выготского, своеобразии развития человеческой психики вообще заключается в том, что в период, «когда складывается начальная форма, ... уже имела место высшая, идеальная, появляющаяся в конце развития ... она непосредственно взаимодействовала с первыми шагами, которые делает ребенок по пути развития, или первичной формой» [13, с. 395]. К этому можно добавить, что не только детское, но и всевозрастное психическое развитие осуществляется посредством открытия и присвоения идеальных форм, постановки и решения на их основе генетических задач возраста. В рамках совокупной культуры общества обособляются возрастные субкультуры, которые несут особые, специфические для детства, подростничества, юношества, взрослости и старости идеальные формы как своего рода эталоны, ориентиры и одновременно нормативы развития. Механизмы их трансляции на уровень индивидуального развития, репликации в содержании сознания и структуре личности человека органично «встроены» в социальную ситуацию развития в каждом возрасте.

И, наконец, самое главное состоит в том, что в основе психологических кризисов индивидуального развития лежит противоречие между реальной формой, которая определяется фактическим, наличным уровнем развития, и идеальной формой, которая очерчивает зону потенциального развития. Идея психологического кризиса как перехода, переориентации на новую идеальную форму была намечена Д.Б. Элькониным: «Переходы – периоды возникновения новых образцов, а стабильные периоды – периоды овладения ими, а деятельности (ведущие) – формы их усвоения» [7, с. 512]. В дальнейшем эта идея была тщательно разработана К.Н. Поливановой на материале кризисов детского развития и спроецирована Е.Л. Солдатовой на психологические механизмы и закономерности кризисов зрелости. Резюме этих исследований состоит в том, что всякий возрастно-психологический кризис есть проявление резкого несовпадения реальной формы текущего периода и идеальной формы последующего возраста. Дебют кризиса знаменуется открытием новой идеальной формы, которая перестраивает отношение человека к реально достигнутому уровню развития и прежней социальной ситуации. Течение кризиса утяжеляется в том случае, если условия наличной ситуации развития сдерживают и блокируют процесс опробования и воплощения новой идеальной формы в реальной жизнедеятельности. В этом случае, как писал А.Н. Леонтьев, «преж-

нее место, занимаемое ребенком в окружающем его мире человеческих отношений, начинает осознаваться им как не соответствующее его возможностям, и он стремится изменить его. Возникает открытое противоречие между образом жизни ребенка и его возможностями, уже опередившими этот образ жизни» [1, с. 504 – 505].

Таким образом, историческая детерминация распространяется на содержание, формы, динамику, структуру, движущие силы психического развития человека в онтогенезе. Обусловленность историческим контекстом свойственна в частности психологическим кризисам развития, которые всегда историчны по своему происхождению, источникам возникновения, формам переживания и способам разрешения. Сквозь специфику кризисных противоречий проступают социокультурные противоречия эпохи, в чем и выражается подлинный исторический смысл психологических кризисов в развитии личности.

Библиографический список:

1. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965. 570 с.
2. Oles P. Psychologia przelomu polowy zycia. Lublin: TN KUL, 2000. 297 s.
3. Кудрявцев В.Т. Идея историзма в психологии развития: от принципа к проблеме // Психологический журнал. 1996. Т.17. № 1. С. 5 – 18.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 337 с.
5. Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Т.2. № 4. С. 40 – 56.
6. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. М.: МПСИ, 2004. 672 с.
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
8. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 352 с.
9. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: МГППУ, 2009. 460 с.
10. Szuman S. Problemy zyciowe mlodziezy dorastajacej. Krakow: Wiedza – Zawod – Kultura, 1947. 76 s.
11. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
12. Леонтьев А.Н. Психология // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1940. Т. 47. С. 511 – 548.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.

Bibliografickij spisok:

1. Leont'ev A.N. Problemy razvitija psihiki. M.: Mysl', 1965. 570 s.
2. Oles P. Psychologia przelomu polowy zycia. Lublin: TN KUL, 2000. 297 s.
3. Kudrjavcev V.T. Ideja istorizma v psihologii razvitija: ot principa k probleme // Psihologickij zhurnal. 1996. T.17. № 1. S. 5 – 18.
4. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. L.: Izd-vo LGU, 1968. 337 s.
5. Karabanova O.A. Ponjatie «social'naja situacija razvitija» v sovremennoj psihologii // Metodologija i istorija psihologii. 2007. T.2. № 4. S. 40 – 56.
6. Fel'dshtejn D.I. Psihologija vzroslenija: strukturno-soderzhatel'nye harakteristiki processa razvitija lichnosti: Izbrannye trudy. M.: MPSI, 2004. 672 s.
7. Jel'konin D.B. Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989. 560 s.
8. Bozhovich L.I. Problemy formirovanija lichnosti. M.: Izd-vo «Institut praktičeskoj psihologii», Voronezh: NPO «MODJeK», 1997. 352 s.

9. Obuhova L.F. Vozrastnaja psihologija. M.: MGPPU, 2009. 460 s.
10. Szuman S. Problemy zyciowe mlodzezy dorastajacej. Krakow: Wiedza – Zawod – Kultura, 1947. 76 s.
11. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M.: Prosveshhenie, 1968. 464 s.
12. Leont'ev A.N. Psihologija // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1940. T. 47. S. 511 – 548.
13. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6 t. M.: Pedagogika, 1984. T. 4. 432 s.